

ПЕРЕМЕНА ИМЕНИ КАК СРЕДСТВО ВЛИЯНИЯ НА СУДЬБУ В ТРАДИЦИОННОМ ЯПОНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье рассматриваются особенности перемены имени в традиционном японском обществе. Поскольку имя наделялось свойствами материальной субстанции и отождествлялось с личностью носителя, перемена имени мыслилась как магический акт, с помощью которого можно было изменить судьбу. С магическими свойствами имени связаны такие практики, как табуирование имен, широкое употребление прозвищ, гадание по именам, зооморфные именованья, «счастливые» знаки в имени. Длительное бытование мифологического сознания привело к появлению сложной антропонимической модели с высокой вариативностью, функционировавшей с раннего средневековья вплоть до «фамильной революции» 1872 г.

Ключевые слова: судьба, имя, перемена имени, магические практики.

В традиционной культуре любого общества отмечается достаточно жесткая половозрастная и социовозрастная дифференциация имен, к тому же в ней заложен механизм смены имени. После первого имянаречения ребенок обретал подлинную человеческую сущность, и далее, по мере взросления, не единожды менял свое имя на другое – то, что соответствовало очередной ступени его социального развития.

В Японии (особенно в знатных семьях) номинационная модель наследников-сыновей строилась по очень сложной формуле: детское имя; имя после инициации; имя типа *адзана*, данное наставником после курса наук, которым юноша представлялся при знакомстве; наконец, имя, полученное или взятое в связи с выдающимся событием в жизни (или несколько таких имен).

После обряда инициации и вступления во взрослую жизнь личная антропонимическая модель могла включать псевдонимы (до нескольких десятков), «настоящее имя», уменьшительные имена, прозвища. Кроме того, в антропонимическую модель можно включить табуированное «настоящее имя», посмертное имя, а также прозвища по характеру или по профессии.

В традиционном японском обществе была жестко задана смена имени с «детского» на «взрослое» после возрастной инициации (особенно – у мальчиков). Смена имени зависела от обстоятельств жизни. Многочисленные имена одного человека были своего рода координатами, позволяющими точно определить его место в семье, положение в роду, в общине, его связи с предками и т. д.

Магические практики манипулирования именем

Механизм смены имени как средство влияния на судьбу приобрел новую мировоззренческую подоплеку с утверждением на японских островах буддизма в VI–VIII вв.

Традиционно «судьба» (яп. *ун*, *уммэй*) понималась как некая сила, управляющая ходом человеческой жизни независимо от его сознания и воли; как непостижимая предопределенность событий, высший закон и порядок. Традиционное объяснение неподвластных воле человека событий как закономерных результатов его поступков отразилось в буддийском учении о карме. Это учение рассматривает все случайности человеческой жизни как закономерное следствие поступков, совершенных в прошлых существованиях.

Буддизм актуализировал взаимосвязи между прошлым и будущим. Соединившись с представлениями раннего синтоизма, даосизма и более позднего конфуцианства, буддийский концепт «судьбы» приобрел специфическую японскую окраску. Реконструкция этого концепта путем языкового анализа позволяет определить его семантическую подоплеку. Китай-

ский иероглиф «судьба» композиционно состоит из двух частей, которые означают «рот» и «приказ», но в языке этот знак употребляется в совокупности с иероглифом «небо», таким образом, в древнем Китае под судьбой люди понимали «приказ, отданный человеку Небом» (яп. *тэммэй*) [Большой японский... Т. 2. С. 543].

В японском языке наряду с понятием «судьба», отражающим понятие «приказ Неба», было заимствовано слово «судьба» (яп. *ун*), записывающееся знаком, графически выражающим идею движения, развития, переноса или перевоза чего-либо. Именно последнее слово чаще всего употребляется в значении личной, индивидуальной судьбы человека. Поскольку наряду со значением «судьба» этот знак используется в значениях «развиваться» и «перевозить», явно прослеживается связь понятия судьбы с концепцией продвижения к конечной цели человеческого существования – просветлению. Так буддизм заложил основы ценностно-нормативных координат поведения человека, носящих универсальный характер.

Пришедшая с буддизмом вера в то, что своими поступками можно изменить predeterminedенность, актуализировала существование архаической магии, в том числе, ритуалов с переименованием имени. В традиционном социуме смысл магической смены имени заключался в ритуальном «умирании» прежнего человека, которому предназначалась «плохая» судьба, и возрождении его под новым именем – уже с «исправленной» судьбой. Перемена имени как средство воздействия на судьбу применялась не только к людям, но и к животным. Существовал обычай менять при покупке кличку коровы или лошади, «чтобы она перестала тосковать о прежних хозяевах и привыкла к новой жизни» [Имена, 1988. С. 106]. Кроме заботы о животном, здесь проявлялось свойство имянаречения как акта обладания.

В «Повести о доме Тайра» (XIII в.) говорится: «Старший брат Сукэнага, получив эту должность, тут же скончался. Младшего Сукэсигэ тоже назначили на эту должность. Чтобы отвести беду, Сукэсигэ переименовал имя на Нагасигэ» [Повесть, 1982. С. 301]. Можно было, наоборот, посредством перемены имени привлечь удачу и богатство: «Как повезло этой Гио! Наверное, счастье сопутствует ей оттого, что ее имя начинается словом Ги “божество”. Не взять ли и нам столь же счастливое имя? И находились девушки, менявшие свое имя на Гиити, Гини, Гифуку или Гитоку» [Там же. С. 38].

Обряду перемены имени подвергались тяжело больные люди для того, чтобы магическим способом «обмануть» тяжелую болезнь. С этой целью практиковалось, например, временное наречение мальчика женским именем и наоборот.

Лица, посвященные в культ некоего божества, переживали полное изменение своего «я», оставляя прежнее имя и получая новое. Старое имя становилось запретным. В ходе посвящения в культ бога посвящаемый переживал ритуальную смерть и, обновленный, рождался к новой жизни.

Понятие судьбы как «предварительного эскиза жизни», который можно значительно изменить с помощью определенных поступков, привело к желанию обладать точным знанием о предстоящих событиях. Власть имени над человеком была неоспоримой и абсолютной, поэтому в Японии были так распространены практики гадания, прорицательства, вредоносной и любовной магии с использованием имени.

Гадальщики и прорицатели естественным образом были встроены в сложившийся мифоритуальный контекст культуры японского этноса, ценности которой не исключают подобной деятельности. С древности в Японии известны магический кристалл, астрологические гороскопы, гадательные камешки, *омикудзи* – листки с предсказаниями судьбы, хиромантия и *сэймэй хандан* – гадание по именам, связанное с китайской нумерологией и верой в сакральную силу чисел [Мацуда, 1982. С. 44].

Имена детей

Имя было непосредственно связано с представлениями о судьбе и личности человека. Имена детей в наибольшей степени имели охранительный и прогностический характер. Они в известной степени определяли будущее ребенка, поскольку в них была запечатлена воля его предков и родителей. Вместе с тем имена были знаками личности, в которых была запечатлена ее индивидуальная неповторимость.

Для повседневного употребления ребенок нарекался специальным «детским именем»-прозвищем (яп. *дзимэй* или *дзимё*:). В отличие от тайного «истинного имени», это обиход-

ное прозвание не считалось тождественным личности человека, поэтому могло произноситься вслух без риска причинить какой-либо вред ребенку.

Вместе с тем «истинное» имя тщательно табуировалось. По разным источникам, у японцев знать его полагалось только родителям и нарекающему (как правило, синтоистскому священнику), либо только священнику [Имена, 1988. С. 2–15]. «Истинное» имя японского ребенка не открывалось никому и не произносилось вслух в течение всей жизни, поскольку, согласно существующим представлениям, было наиболее подвержено магическому воздействию. Это тайное имя устанавливало зависимость новорожденного от предка-хранителя, основателя рода, который оберегал его жизнь. Есть предположения, что тайное «истинное» имя могло подбираться с помощью специального гадания еще в пренатальный период, тогда как «детское имя» ребенок получал через несколько дней после рождения [Ватанабэ, 1958. С. 24].

«Детское имя» могло описывать обстоятельства, время и порядок рождения (*первый, второй или третий сын*), настроение родителей при появлении ребенка (*радость вошла в дом*), общественное положение семьи. Встречались имена, указывающие на яркие физические особенности (*большие уши, родинка над зубой*). Распространены были имена-дезидеративы, содержащие пожелания о будущих качествах, либо, при наличии опасности для жизни матери и ребенка, – апотропеические (защитные) имена обманного характера.

На выбор имени в Японии XVII–XIX вв. большое влияние оказывал также древний восточный календарь, построенный на 60-летнем цикле сочетаний 12 знаков зодиака с 10 положениями. Знак из названия животного – покровителя года рождения – полностью или частично мог входить в имя (чаще у мальчиков).

Особого внимания в свете представлений о материальной сущности имени заслуживают зооморфные именованья. В мужском (и в меньшей степени – женском) именнике традиционного японского общества встречается немало «звериных» имен, т. е. имен, образованных от названий животных. Имена, связанные с животным миром, носят охранительный характер и встречаются практически у всех народов мира. Исследователи полагают, что зооморфная ориентация имянаречений связана с тотемистическими воззрениями [Штернберг, 1936; Мелетинский, 1976]. К тотемным животным, многократно упоминаемым в архаичном японском фольклоре, относятся черепаха, крокодил, змей (червь), дракон. Сюжеты с участием животных имеют много общего в китайской, корейской и протояпонской мифологической традиции [Горегляд, 2001. С. 54].

Имена, включающие иероглифы «крокодил», «змей (червь)», «дракон», встречались в основном у мужчин (Вани, Дакоцу, Рю:таро:), знак «черепаха» мог входить в состав как мужских, так и женских имен (Камэхати, Камэко). Иероглиф «дракон» популярен и в современных мужских японских именах.

По мнению исследователей, нареченного «звериным» именем ребенка ни в коем случае не идентифицировали с животным, однако верили, что некоторые черты поведения зверя передавались человеку. Таким образом, с помощью подобных имен японцы также предпринимали попытку влияния на судьбу.

Не только «детские» имена, но и обращения к ребенку были призваны защитить его от злых духов. В японских семьях к ребенку обращались (и обращаются до сих пор) часто уничижительно, например, Отиби-тян (Щеночек, собачья кличка), Кобута-тян (Поросеночек). Можно предположить, что эта традиция, во-первых, восходит корнями к древней охранной магии, и во-вторых, основывается на двух базовых этносоциальных понятиях – *ути* «свое» и *сото* «чужое». Такие прозвища-клички *цу:сё* фигурировали не столько во внутреннем обращении в семье (*ути*), сколько во внешнем (*сото*) – для разговора, например, с соседями. В этом контексте использование нелестных прозвищ обеспечивало показное принижение себя и своей семьи, характерное для традиционного этикета и, во-вторых, играло превентивную защитную роль – недруги реальные и мифические могли убедиться, что родители не слишком дорожат ребенком. По этой же причине перед «чужими» (*сото*) – дальними родственниками, соседями, знакомыми – ребенка особенно не хвалили, называя его «наш недотепа, хулиган, безобразник» [Такэути, 1995. С. 205].

Хроники и документы IX в. свидетельствуют, что традиция «детских имен» закрепились и окончательно оформилась в Японии под влиянием реформ императора Сага (814 г.), которые

были ориентированы на опыт Китая. По примеру императорского дома вся японская аристократия, а вслед за ней и низшие классы, стали давать детям особые «детские имена», по преимуществу оформленные компонентом Мару. Японские лингвисты спорят о первоначальном значении компонента Мару, но сходятся в том, что уже к эпохе Хэйан он придавал именованию оттенок пренебрежительного прозвища. Подобные имена встречались очень часто, например, среди детей – персонажей литературных произведений эпох Хэйан (794–1185 гг.), Камакура (1185–1333 гг.) и Муромати (1333–1568 гг.), т. е. на протяжении восьми веков. Многочисленные примеры встречаются и в документах XIV–XVI вв.: Тидакарамару, Токуомару, Киномару Ковакамару, Конвакамару, Комавакамару, Усивакамару и т. д. Сочетание Вакамару здесь уже имело смысл «молодой паренек», а перед ним часто встречались знаки, обозначающие домашних животных [Кида, 1998. С. 45–50].

Традиции уничижительных именовании сохранились в Японии вплоть до нового времени, более того, они остаются актуальными и в наши дни. При возникновении реальной угрозы жизни или здоровью ребенка применяли отвлекающие меры: меняли ему имя на уничижительное или зооморфное, наносили порой увечья – шрамы на лице и на теле, выстригали волосы клочьями, мазали руки и ноги грязью или сажей, одевали в рубище. Эти уничижительные приемы, лишавшие ребенка человеческого статуса, являлись охранительными ритуалами. Уничижительное имя выступало в качестве вполне материального средства защиты, наряду с грязью, рваной одеждой и шрамами. С наступлением соответствующего возраста «детское имя» полагалось забыть и не упоминать при посторонних.

С эпохи Муромати (1333–1568 гг.) «звериные» имена постепенно исчезают из социокультурного оборота. В «детских именах» XII–XVII вв. под влиянием конфуцианской традиции все чаще начинают использоваться знаки с морально-положительным значением, такие как *дзю* «долголетие», *току* «добродетель», иногда комбинация «положительных» знаков: Токудзюмару («добродетель» и «долголетие»), Сёдзюмару («сосна» и «долголетие»), Тиёмару («тысяча» и «поколение»), Коёмару («счастье» и «поколение») [Словарь имен..., 1991. С. 70].

«Детские» имена бытовали в Японии вплоть до эпохи Мэйдзи (1868 г.). В соответствии с универсальными для традиционных обществ правилами охранительной магии, опирающейся на законы мифологического синкретизма, в детских именах преобладают дезиративы. В этом смысле этнокультурная информация, заложенная в именной японцев, имеет типологически сходные черты с другими этническими общностями, что позволяет предположить аналогии в процессах возникновения и развития именнаяречения.

Перемена имени

Факт наречения родившегося младенца сразу двумя именами – «истинным» и «детским», а также смена имени при инициации и других жизненных обстоятельствах, – указывают на то, что имя в традиционном японском обществе не рассматривалось как нечто постоянное. Смена имени позволяла человеку приобрести новый статус и новые качества.

Перемена имени могла быть вызвана разными обстоятельствами, могла быть добровольной и насильственной. Вертикальное соименование в средние века рассматривалось в качестве социальной нормы, закрепленной законодательно для аристократических семейств. Соименование по-японски представляло собой повторение одного из иероглифов имени отца или матери в именах детей. Многократная передача одного знака из поколения в поколения привела к появлению родовых знаков, характерных для знатных фамилий средневековья.

Примечательно, что не только единичное личное имя как атрибут носителя, но даже именовании всех представителей рода в силу политических или иных причин могли подвергаться переменам. Так, после установления камакурского сёгуната (1185 г.) род Асикага отрекся от связей с родом Минамото и сменил «пожалованный» знак *ёси*¹, согласно системе вертикального соименования передающийся по наследству в именах лиц мужского пола, на знак *удзи* (*ути*). В выборе знака *удзи* со значением «род, клан» выразилось пожелание, чтобы род Асикага продолжил свое независимое существование, поскольку в этот период многие прежде влиятельные роды (Овара и др.) пришли в упадок [Окутоми, 2003. С. 215].

¹ Родовой знак рода Минамото, кроме значений «честь», «справедливость», отражает степень косвенного родства.

Родовое имя подлежало перемене в случае получения наследства от родни жены или от хозяина, что символизировало вхождение в семью. Имя можно было не только принять или получить, но и лишиться его насильственно за позор в бою или преступления.

Служанкам в императорском дворце XII–XIII вв. приказывали носить имена героинь классической японской литературы, чаще всего из романа «Гэндзи моногатари» («Повесть о прекрасном принце Гэндзи», X–XI вв.). Это должно было способствовать созданию утонченной атмосферы императорского двора.

Таким образом, сакральные функции имени были призваны защищать и оберегать человека с момента рождения и на протяжении всей жизни. В новое время, когда имя приобрело большую устойчивость, магические функции в значительной степени были перенесены на псевдонимы.

В целом этнокультурные особенности функционирования имен собственных в традиционном обществе Японии обнаруживают универсальный характер – мифологическое мышление наделяет имя свойствами материальной субстанции, атрибутивностью, телесностью, отождествляя его с личностью носителя. Эти свойства воплощаются в конкретных социальных практиках, таких как неоднократная смена личного имени на протяжении жизни, традиция табуирования личных имен, охраняемые имена у детей, развитая псевдонимизация, магическая обрядность с использованием имен и др.

Типичное для мифологического сознания отождествление имени и природы его носителя формирует установку первичности имени по отношению к объекту, имя оказывает активное воздействие на судьбу. Поэтому ответственный выбор нового имени осуществляется наиболее достойным представителем общества, и новые отношения формально признаются родственными связями. Обряды инициации в отроческом возрасте влекут за собой смену «детского» имени на «взрослое». В дальнейшем значимые перемены в жизни сопровождаются сменой личного имени. Последнее имя человек получает после смерти, для подтверждения его статуса в ином мире.

Регулярная смена имени практиковалась только для мужчин, принадлежащих к слою родовой или воинской аристократии. Для женщин необязательной была смена имени с детского на взрослое. Для низших сословий обиходное прозвание *цу:сэ:* иногда служило личным именем на протяжении всей жизни.

Существование разветвленной системы имен было вызвано потребностью закодировать подлинное имя, открыть / назвать которое означало позволить овладеть собой. Возможность смены имен на протяжении жизни привела к появлению достаточно сложной антропонимической модели, функционировавшей с раннего средневековья вплоть до «фамильной революции» 1872 г.

Список литературы

Горегляд В. Н. Японская литература VIII–XVI вв.: начало и развитие традиций. СПб.: Центр Петербург. востоковедение, 2001. 400 с.

Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 408 с.

Повесть о доме Тайра. Эпос XIII в. М.: Азбука-классика, 1982. 703 с.

Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936. 189 с.

渡辺三男。日本人の名前。その歴史とさまざまな型。東京：北辰堂板，1958。
(Ватанабэ Мицуо. Имена японцев. История и различные типы имен. Токио: Хокусиндохан, 1958. 247 с.)

名前。人生読み本。東京：河出書房新社，1988。(Имена. Книги о жизни. Токио: Касю-цусэбо синся, 1988. 237 с.)

喜田定美。麻呂の名前の歴史。社外学の研究。1998。№ 12。(Кидо Садаёси. История имени Маро // Сякайгаку но кэнкю. 1998. № 12. С. 45–53.)

松田惣三郎。子どもの幸せのために。言語生活。1982。№ 361 (1)。(Мацуда Содзабуро. Для счастья детей // Гэнго: сэйкацу. 1982. № 361 (1). С. 44–47.)

奥富敬之。日本の名前の歴史。東京：新人物往来者、奥富敬之。日本の名前の歴史。東京：新人物往来者，2003。(Окутоми Такаюки. История японских имен и фамилий. Токио: Синдзимбуцуорайся, 2003. 254 с.)

竹内康雄。日本人のコードー文法（ソシオグラマ）-日本らしさの解体新書。東京：東洋経済新報社，1995。（*Такэути Ясуо*. Алгоритмы поведения японцев (социограмма) – Новая книга о переменах в японском обществе. Токио: Тоё Кэйдзай Симпося, 1995. 378 с.)

Список словарей

大日本百科事典 Encyclopedia Japonica。東京：小学館，1971。（*Большой японский энциклопедический словарь*: В 23 т. (1967–1972). Токио: Сёгакукан, 1971. Т. 18. 1667 с.)

新潮日本人名辞典/小崎堀起。東京：新潮社，1991。（*Словарь* имен литературных героев и мифологических персонажей Японии издательства Синтё / Под ред. Одзаки Хоцуки. Токио: Синтёся, 1991. 188 с.)

Материал поступил в редколлегию 07.07.2008

Eugenia L. Frolova

The change of name as a way to affect destiny in Japanese traditional society

This article studies peculiarities of the change of name in Japanese traditional society. The change of name was considered as a magic act, which gave an opportunity of changing fate. Such magic practices as name tabooing, widespread use of nicknames, divination by name, zoomorphic names and «lucky» signs in names are also related with magic characteristics of name. The prolonged existence of mythological consciousness has lead to the emerging of complicated anthroponomical pattern that had a great diversity of variations, and had been functioning since the early Middle Ages until the «surname revolution» of 1872.

Keywords: destiny, name, change, magic practices.